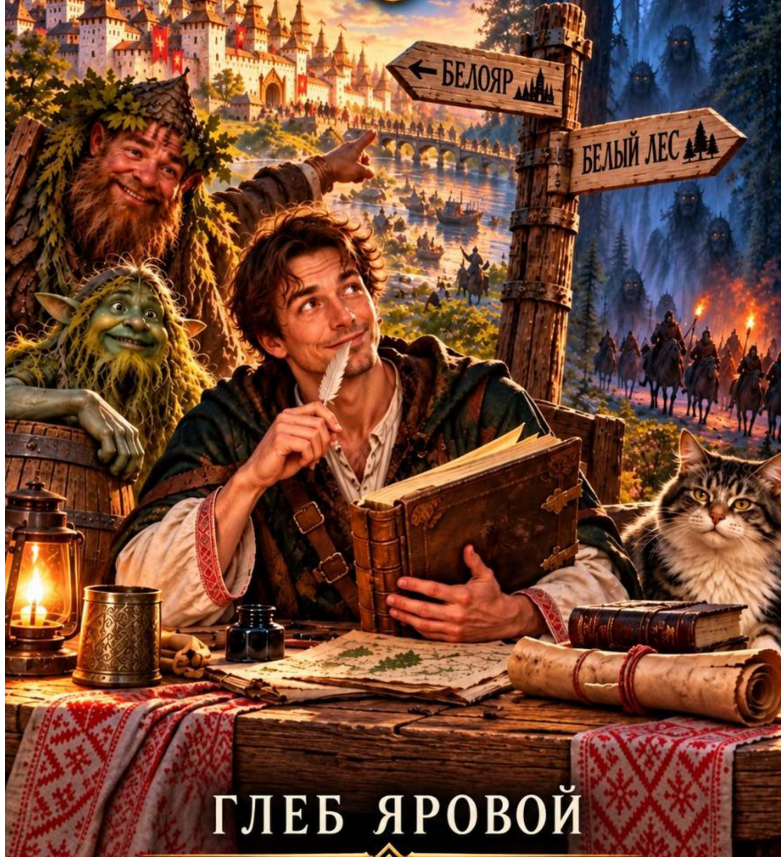


ДНЕВНИК ЛЕТОПИСЦА



ГЛЕБ ЯРОВОЙ

Глеб Яровой

Дневник летописца

<https://litres.ru/74585723>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ещё утром Матвей Степанов торговал рыбой на Белоярском рынке. К вечеру его по ошибке назначили государевым летописцем. Ошибку обнаружили почти сразу. Исправлять не стали.

Теперь Матвею предстоит записывать историю царства, где водяной двенадцать лет собирает пошлину по старой грамоте, в Белом лесу живут по договорам, заключённым ещё до основания Белояра, а предыдущий летописец бесследно исчез, оставив после себя всего одно предупреждение:

Не верь летописи. Особенно тому, что написал я.

Когда на восточной границе сгорает застава, Матвея отправляют туда вместе с государевым посольством. И очень скоро он обнаруживает странную вещь: прошлое Белоярского царства зависит не только от того, что произошло на самом деле.

Иногда гораздо важнее — что об этом записали.

Лёгкое приключенческое фэнтези о летописце поневоле, старых тайнах, говорящем вороне, государственных ошибках и истории, которой не всегда стоит верить.

Содержание

Глава 1. Не тот Матвей	4
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Глеб Яровой

Дневник летописца

Глава 1. Не тот Матвей

Сегодня меня назначили государевым летописцем.

До сих пор не решил, считать это повышением или наказанием.

Ещё утром я торговал рыбой на Белоярском рынке и был совершенно уверен, что проведу за этим занятием если не всю жизнь, то хотя бы ближайший четверг. К вечеру мне выдали комнату при государственном приказе, новое перо, две свечи и право записывать историю Белоярского царства.

Началось всё с карася.

Впоследствии мне не раз приходилось замечать, что большие неприятности любят начинаться с вещей совершенно незначительных. Карась был крупный, свежий и к государственной службе отношения не имел. Я держал его за хвост и пытался убедить Прасковью Семёновну, что восемь медяков за такую рыбу — цена почти оскорбительная.

— Семь.

— Восемь.

— Вчера было семь.

— Вчера был другой карась.

Прасковья Семёновна прищурилась.

— А этот чем лучше?

Я посмотрел на карася.

— Этот сегодняшний.

Она подумала и сказала, что за сегодняшний тем более больше семи не даст.

Мы сошлись на семи с половиной.

Я торговал рыбой у дяди Фомы шестой год и давно понял: спорить с покупателем можно до тех пор, пока он не начинает вспоминать вчерашние цены. После этого лучше уступить.

Мне тридцать два года. Я Матвей Степанов, сын покойного Степана Матвеевича, племянник Фомы Степановича и до сегодняшнего утра человек, чьей самой большой служебной ответственностью было не перепутать свежую сельдь со вчерашней.

Отец хотел, чтобы я пошёл в писцы.

Сам он немного знал грамоту и считал, что человек с чернилами под ногтями проживёт спокойнее человека, пахнущего рыбой. Жизнь распорядилась иначе: отец умер, дяде Фоме понадобились руки в лавке, а мне — еда и крыша.

Грамоту я, впрочем, не забыл.

Как выяснилось, зря.

К этому часу Белояр уже проснулся окончательно.

Над Рыбным рядом стоял привычный гул. Кричали торговцы, звенели гири на весах, пахло речной водой, дымом,

хлебом из соседнего ряда и, разумеется, рыбой.

За крышами домов поднимались белые стены кремля. Утреннее солнце цеплялось за медные кровли башен, и от реки город казался почти золотым.

Я люблю Белояр.

Наверное, поэтому чаще всего его ругаю.

Городу было около трёхсот лет.

По крайней мере, так утверждала государева летопись.

Монастырская хроника давала Белояру ещё двадцать семь. В старых купеческих книгах встречались даты, из которых следовало, что первые торговцы появились здесь раньше самого города.

Дядя Фома считал, что все ошибаются.

— Был бы Белояру триста лет, — говорил он, — за триста лет хоть один умный человек догадался бы перенести кожевников подальше от рыбного рынка.

Спорить с этим было трудно.

Само Белоярское царство тянулось от северных сопок до степей на юге и от Каменной реки на западе до Белого леса на востоке.

В Белом лесу жили лешие.

В реках — водяные.

Домовые — где придётся.

На севере, по слухам, обитал Змей. В столицу он не прилетал уже несколько лет после неприятного случая с колокольней.

Никого это особенно не удивляло.

Если с детства знаешь, что перед дальней дорогой следует оставить домовому хлеб, а через Старый мост лучше не ехать без лишнего медяка, очень быстро перестаёшь считать происходящее чудесами.

Это просто жизнь.

По четвергам у входа на Рыбный ряд торговала травами Агафья Савельевна. Половина города считала её ведьмой, вторая половина покупала у неё мазь от поясницы.

Иногда это были одни и те же люди.

Агафья приезжала с метлой, привязанной к телеге.

Почему не летала, я однажды спросил.

Она ответила:

— Спина.

После этого я больше не спрашивал.

Утро обещало быть совершенно обычным.

Пока на край нашего прилавка не сел Яшка.

Яшка был ворон.

Говорящий.

Когда-то он служил гонцом при государевой канцелярии и переносил письма между приказами. Потом выяснилось, что некоторые письма до адресатов не доходят, зато у Яшки подозрительно быстро увеличиваются запасы орехов.

Яшка утверждал, что никакой связи здесь нет и вообще он ушёл сам.

Государева канцелярия придерживалась другой версии.

— За тобой идут, — сообщил он.

Я продолжил чистить нож.

— Кто?

— Стрельцы.

Рука остановилась.

— Зачем?

— Не сказали.

— Сколько?

— Четверо.

Дядя Фома поднял голову от бочки с сельдью.

— Налоги платил?

— Платил.

— С чужой женой не связался?

— Нет.

— Тогда, может, отпустят.

На этом семейная поддержка была исчерпана.

Стрельцы появились через минуту.

Четверо. В красных кафтанах, при саблях. Старший нёс свёрнутую бумагу и выглядел человеком, которому хочется закончить поручение до обеда.

— Матвей Степанов?

Отрицать собственное имя было поздновато.

— Я.

Стрелец развернул бумагу.

— Грамотный?

— Умею читать.

— Писать?

— Тоже.

Он сверился с текстом.

— При Фоме служишь?

Я посмотрел на дядю.

— При Фоме.

Стрелец свернул бумагу.

— Собирайся.

— Куда?

— В кремль.

— А зачем?

— Там скажут.

Так я впервые столкнулся с одним из основных правил государственной службы: человек, который пришёл тебя забирать, почти никогда не знает зачем.

Дядя Фома протянул мне кафтан.

— Если к вечеру отпустят, воду в сельди поменяй.

— Спасибо.

— А если не отпустят, я сам.

Яшка расправил крылья.

— Могу проводить.

— Не надо.

— За два ореха.

— Тем более.

До кремля было меньше получаса.

За это время я успел узнать о себе много нового.

У булочной решили, что меня поймали на подделке денег. Возле кузницы предположили убийство. Один мальчишка спросил у матери, будут ли меня вешать.

Мать велела не глазеть.

Сама смотрела до самого поворота.

У Старого моста старший стрелец достал из кошель медяк и бросил его через перила.

Из воды показалась зелёная рука, поймала монету и исчезла.

Мы продолжили путь.

— Я думал, эту пошлину отменили, — сказал я.

— Отменили.

— Тогда зачем платить?

Стрелец пожал плечами.

— Грамота есть.

Историю эту знал весь Белояр.

Много лет назад один из государевых приказчиков выдал местному водяному грамоту, разрешавшую брать по медяку с каждой телеги за содержание переправы.

Позднее приказчика посадили за казнокрадство. Его распоряжения отменили. Пошлину тоже.

Водяной показал старую грамоту и заявил, что она заверена государевой печатью, внесена в мостовую книгу и никакой новой грамоты об отмене лично ему никто не предъявлял.

Белоярский суд долго разбирался и постановил, что по-

шлина незаконна.

Водяной не согласился.

Тогда к мосту прислали стрельцов.

На следующее утро моста не было.

Не разрушен.

Не сожжён.

Не повреждён.

Просто не было.

Водяной вернул его только после того, как городские власти признали старую грамоту действующей до окончательного разрешения спора.

Спор шёл уже двенадцатый год.

Поэтому Белояр платил.

Не потому, что боялся водяного.

Потому что когда-то кто-то написал несколько строк, поставил под ними печать — и спустя много лет эти строки всё ещё стоили каждому проезжавшему медяк.

Тогда я не придал этому особого значения.

Через несколько дней пришлось вспомнить.

Издалека государев кремль выглядел величественнее.

Внутри он оказался похож на небольшой город, которому постоянно не хватает места.

По дворам носились писцы. Разгружали дрова. Тащили мешки с мукой. У Казённой палаты ругались два чиновника. На крыльце спала собака, которую почему-то никто не решался прогнать.

Мы прошли Земский приказ, Казённую палату и ещё несколько зданий, назначения которых я не знал.

Наконец остановились перед двухэтажным каменным домом.

Над дверью висела табличка:

ПРИКАЗ ЛЕТОПИСНЫХ ДЕЛ

Тут мне впервые стало по-настоящему неудобно.

Меня провели в комнату, почти целиком занятую шкафами.

За столом сидел сухой мужчина лет пятидесяти с маленькими круглыми очками.

Он посмотрел сначала на стрельцов.

Потом на меня.

— Это кто?

— Матвей Степанов.

Мужчина снял очки.

— Какой Матвей Степанов?

Я почувствовал надежду.

Старший стрелец снова развернул бумагу.

— Здесь написано: Матвей Степанов. Грамотный. Служил при Фоме.

Мужчина взял распоряжение.

Прочитал.

Посмотрел на меня.

— При каком Фоме ты служил?

— При дяде.

— А дядя кто?

— Рыбой торгует.

Он закрыл глаза.

Совсем ненадолго.

— Нужен был Матвей Степанов, писец Земского приказа.

Он служил у Фомы Никифоровича.

— Значит, я могу идти?

Мне уже виделся Рыбный ряд, обед и довольное лицо дяди Фомы, которому я расскажу, как государство перепутало писца с торговцем рыбой.

Мужчина не ответил.

— Где нужный Матвей? — спросил стрелец.

— Исчез.

Рыбный ряд мысленно отодвинулся.

Мужчину звали Тимофей Лукич. Он заведовал Приказом летописных дел и, как я вскоре понял, относился к человечеству без особой неприязни, но и без лишних надежд.

Настоящего Матвея Степанова собирались временно определить государевым летописцем. Накануне ему передали распоряжение явиться утром.

Ночью Матвей исчез.

Сундук пуст. Постель нетронута. Хозяин дома утверждает, что ничего не слышал.

Утром за ним отправили стрельцов.

Стрельцы нашли меня.

— Ошибка понятна, — сказал я. — Бывает. Теперь я пой-

ду?

Тимофей Лукич задумался.

Мне не понравилось, что вопрос вообще требовал размышлений.

— Писать умеешь?

— Умею.

Он подвинул ко мне лист бумаги.

— Пиши.

— Что?

— «По государеву указу воспрещается выпас коз у восточной стены кремля».

— Зачем?

— Хочу посмотреть почерк.

Я взял перо.

Бумага была хорошая. После рыбных счетов писать на такой было почти жалко.

Написал.

Тимофей Лукич изучил результат.

— Сойдёт.

— Отлично. Тогда я...

— Подожди.

Он убрал лист.

— Государю нужен летописец.

— Но вы искали другого человека.

— Искали.

— Нашли меня.

— Именно.

— Это ошибка.

— Безусловно.

— Тогда исправьте её.

Тимофей Лукич посмотрел на меня поверх очков.

— Если бы государственные ошибки исправлялись сразу после обнаружения, Матвей Степанов, половина приказов осталась бы без работы.

Я не нашёлся что ответить.

— Человек, которого мы собирались назначить, исчез. Ты грамотен. Почерк разборчивый. Государь ждёт летописца сегодня.

— Я рыбой торгую.

— До сегодняшнего дня.

Через четверть часа я уже шёл за ним к государю.

По дороге выяснилось, что исчезнувший писец был не первой неприятностью Приказа летописных дел.

Три дня назад пропал действующий государев летописец.

До него служил Авдей Пахомович. Тот умер месяц назад в собственной постели в возрасте восьмидесяти одного года, поэтому Тимофей Лукич считал его единственным человеком в этой истории, поступившим прилично.

После смерти Авдея назначили нового летописца.

Через несколько недель тот исчез.

Ему на замену нашли писца Матвея Степанова.

Матвей исчез ещё до первого рабочего дня.

— И теперь вы ведёте к государю меня?

— Веду.

— Вас ничего в этой последовательности не беспокоит?

— Всё.

— Тогда зачем?

— Потому что отсутствие летописца беспокоит государя сильнее.

Ответ был настолько государственным, что спорить я не стал.

Царь Ярослав Четвёртый оказался не совсем похож на своё изображение на монетах.

На монетах у него были прямой нос, могучая борода и выражение человека, который заранее знает исход любой войны.

Борода соответствовала.

Остальное чеканщики немного улучшили.

В народе государя иногда называли Грозноватым.

Не Грозным.

Именно Грозноватым.

Прозвище появилось после истории с боярином Микулиным. Государь в гнев приказал отрубить ему голову, через четверть часа передумал, а палач оказался человеком медлительным.

Боярин выжил.

С тех пор в Белояре считали, что гнев государя лучше пережить.

Когда мы вошли, Ярослав стоял над большим столом с картой восточных земель.

Рядом находился высокий седой мужчина в тёмном кафтане.

Северин.

Государев советник.

Его имя в Белояре знали все, хотя мало кто мог толком объяснить, чем именно он занимается.

— Нашли? — спросил царь.

Тимофей Лукич едва заметно помедлил.

— Нашли Матвея Степанова.

Формально он не соврал.

Государь оглядел меня.

— Писать умеешь?

— Умею, государь.

— Хорошо. Садись.

Передо мной положили бумагу.

Я взял перо.

— Что писать?

Ярослав указал на карту.

— Сегодня состоялся совет о положении восточных рубежей. Обстановка спокойная.

Северин поднял глаза.

— Государь, мы этого пока не знаем.

— Что знаем?

— Третий день нет вестей от Чёрного Брода.

Царь нахмурился.

— Тогда пиши: «На восточных рубежах сохраняется порядок».

Я посмотрел на Северина.

Он ничего не сказал.

Пришлось писать.

На восточных рубежах Белоярского царства сохраняется порядок.

Чернила ещё не высохли, когда дверь распахнулась.

Вошедшего стрельца поддерживали двое.

Кафтан на боку был обожжён. Лицо покрывала сажа. Левую руку перетягивал кусок ткани.

В комнате сразу стало тихо.

— Государь... Чёрный Брод.

Ярослав выпрямился.

— Что?

— Застава сгорела.

Северин подошёл ближе.

— Когда?

— Ночью.

— Люди?

— Семеро погибли. Остальные отошли к западной дороге.

— Кто напал?

Стрелец покачал головой.

— Не разглядели. Из леса пришли.

— Из Белого леса?

— Да.

Я посмотрел на бумагу.

На восточных рубежах Белоярского царства сохраняется порядок.

Государь тоже посмотрел.

— Зачеркни.

Я зачеркнул.

— Что писать теперь?

Он несколько секунд молчал.

— «На восточных рубежах произошло нападение на государствену заставу. Обстоятельства выясняются».

Так было гораздо ближе к правде.

Но не вся правда.

Я написал.

Царь отдал несколько коротких распоряжений. Послать людей к Чёрному Броду. Найти посла Белого леса. Усилить восточные ворота. Поднять старые договоры.

Последнее заинтересовало меня.

— Какие договоры? — спросил я.

Тимофей Лукич тихо произнёс:

— Матвей.

Я понял, что государев летописец, видимо, должен писать вопросы других людей, а не задавать свои.

Но царь ответил:

— Старые. Белый лес живёт по старым грамотам.

— Насколько старым?

— Некоторые старше Белояра.

Это прозвучало странно.

Если грамота старше царства, я не очень понимал, почему царство обязано её соблюдать.

Но после утренней встречи со Старым мостом решил пока промолчать.

Ярослав снова посмотрел на меня.

— Жалованье ему назначили?

— Нет, государь.

— Пять серебряных в неделю. Комната при приказе. Стол от дворцовой кухни.

Я собирался напомнить, что вообще-то не соглашался.

Пять серебряных были почти вдвое больше того, что платил мне дядя Фома.

Я решил сначала подумать.

— А если я откажусь?

Царь удивился.

— Зачем?

Я не сразу нашёл достойную причину.

— У меня рыба.

Северин впервые за всё время улыбнулся.

Совсем немного.

— До завтра подумай, — сказал государь. — Сегодня всё равно поработаешь. Запиши произошедшее и подготовь выпуск о Чёрном Броде.

Так я стал государевым летописцем.

Возможно, на один день.

Тогда мне этого вполне хватало.

Комната летописца находилась под самой крышей прика-
за.

Кровать.

Стол.

Стул.

Шкаф.

Небольшое окно, из которого было видно половину Бело-
яра.

Солнце уже опускалось за городские стены. Медные кры-
ши потемнели, над рекой поднимался лёгкий туман, а внизу
один за другим зажигались фонари.

После рыбной лавки комната казалась почти роскошной.

На столе лежала государева летопись.

Мне велели подготовить выписку о Чёрном Броде, поэто-
му я открыл последние записи.

Толстая книга в кожаном переплёте хранила войны, рож-
дения, смерти, неурожаи, царские свадьбы, строительство
дорог, договоры и всё остальное, что кто-то когда-то счёл до-
стойным памяти.

Я нашёл восточные земли.

Сначала ничего необычного.

Пограничные споры.

Ремонт заставы.

Жалоба купцов.

Договор о проходе через Белый лес.

Потом запись четырёхдневной давности:

На восточных рубежах Белоярского царства сохраняются мир и полное согласие с обитателями Белого леса.

Я перечитал её.

Сегодня там лежали семеро убитых стрельцов.

Перевернул страницу.

Следующей не было.

Не вырвана.

Аккуратно вырезана у самого корешка.

Я провёл пальцем по тонкому краю.

Кто-то делал это осторожно.

И явно не сегодня.

Я полез в стол.

В первом ящике лежали перья.

Во втором — сургуч, песок для чернил и старые печати.

Третий застрял.

Я потянул сильнее.

Ящик выскочил и чуть не упал мне на ноги.

За ним обнаружилась небольшая потрёпанная тетрадь.

Без герба.

Без печати.

На первой странице было написано:

Если ты это читаешь, значит, я всё-таки ушёл.

Я сравнил почерк с последними записями летописи.

Совпадал.

Перевернул страницу.

Не верь летописи.

Ниже:

Особенно тому, что написал я.

Несколько следующих листов были вырваны.

Дальше шли даты, имена, номера старых указов, странные пометки на полях.

Я уже хотел закрыть тетрадь, когда увидел ещё одну запись:

Если тебя пошлют в Белый лес — не ходи один.

В дверь постучали.

Я сунул тетрадь под кафтан.

На пороге стоял мальчишка-посыльный.

— Матвей Степанов?

За сегодняшний день я начал опасаться этого вопроса.

— Я.

Он протянул запечатанную бумагу.

На сургуче была государева печать.

Я прочитал:

По государеву распоряжению летописцу Матвею Степанову надлежит завтра на рассвете отправиться с посольством к границе Белого леса для достоверного описания событий у Чёрного Брода и сверки государевых грамот.

Ниже:

Северин.

Я снова достал тетрадь.

Если тебя пошлют в Белый лес — не ходи один.

Посольство — это всё-таки не один.

Стало немного спокойнее.

Я уже собирался убрать тетрадь, когда заметил загнутый угол страницы.

Разогнул.

Под ним мелкими буквами было приписано:

И особенно не ходи с государевым посольством.

Я сел.

Некоторое время смотрел на стену.

Потом достал из стола чистую тетрадь.

За один день я успел увидеть две записи о восточной границе.

Утром там был порядок.

К вечеру сгорела застава.

В государственной летописи всё ещё сохранялись мир и полное согласие.

А человек, который это написал, исчез.

Мне вдруг показалось разумным завести собственную книгу.

Не государеву.

Свою.

Я обмакнул перо в чернила.

На первой странице написал:

Дневник Матвея Степанова

Ниже:

День первый

Подумал и продолжил:

Утром торговал рыбой.

К обеду меня по ошибке забрали стрельцы.

Ошибка выяснилась. Домой меня не отпустили.

Теперь я государев летописец. Пять серебряных в неделю.

Предыдущий летописец исчез.

Человек, которого собирались назначить после него, тоже исчез.

Четыре дня назад в Белом лесу официально царили мир и полное согласие.

Сегодня сгорела пограничная застава. Семеро погибли.

Из государственной летописи вырезана страница.

Предыдущий летописец просит не верить летописи.

Особенно тому, что написал он сам.

Завтра меня отправляют туда, куда он советовал не ездить.

Я поставил точку.

За окном вечерний Белояр постепенно затихал.

Где-то далеко внизу закрывался Рыбный ряд.

Я вспомнил дядю Фому.

Сельдь.

Свою совершенно понятную жизнь, закончившуюся сегодня утром.

И добавил:

Рыбный ряд закрывается в восемь.

Если очень постараться, я ещё успею сбежать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.